

К ПОСТРОЕНИЮ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ВЛАСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Актуальность и перспективы исследования

Современная власть связана с социальным миром множеством нитей, в нем ищет свою опору и свое «оправдание». Поэтому необходимость адаптации власти к сложной динамике рыночных отношений, к новым ценностным ориентациям и интересам различных социальных групп, закономерно выводит на первый план задачу поиска наиболее эффективных способов взаимодействия институтов политической власти и гражданского общества, причем таких, которые бы способствовали укреплению легитимности самой власти.

В общенаучном плане это ставит сегодня задачу теоретической разработки *новых* подходов и взглядов на природу власти вообще и политической власти в особенности.

Поэтому *комплексное исследование онтологических оснований* современной власти, а также факторов социокультурного влияния с последующим концептуальным выделением и обоснованием *новых* понятий, подходов и интерпретаций применительно к сфере политико-властных отношений приобретает сегодня важное теоретическое и практическое значение.

Можно констатировать, что в настоящее время отсутствуют научные работы, посвященные комплексному исследованию власти как многогранной, целостной и универсальной *социокультурной* системы, в которой представлены и взаимодействуют все компоненты материальной, политической и духовной культуры общества. На известные методологические трудности подобных исследований современного феномена власти указывают сегодня многие отечественные авторы (А.С. Панарин, В.В. Ильин, К.С. Гаджиев, А.В. Рябов, А.В. Гайда, В.Ф. Халипов, А.И. Соловьев и др.). В результате сложилась своего рода теоретическая дисперсия, которая является, скорее всего, следствием методологической и концептуальной разобщенности исследований феномена власти, общий массив которых заметно затрудняет ее *целостное* восприятие и понимание.

Следует однако отметить, что в многообразии различных подходов к исследованию сферы политико-властных отношений на Западе [1; 2; 3] — наиболее ярко представленных сегодня политической семиологией (Р.Барт), политической антропологией (Э. Канетти), археологией власти (М. Фуко) и другими — трудно выявить, а тем более обосновать, фундаментальный принцип, исходя из которого и данные подходы можно было бы рассматривать как всего лишь частные мо-

Хомелева Рамона Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.

Адрес: 195352. Санкт-Петербург, Просвещения, д. 46, корп.1, кв. 186.

Тел.: 310-35-64 (раб.); 599-44-52 (дом.).

менты более общей, онтологической концепции власти. Вместе с тем онтологическое пространство власти предполагает различные сферы и уровни реального существования политико-властных отношений, в котором коммуникативный аспект властных отношений (Х. Арендт, Ю. Хабермас, Т. Болл, А. Гидденс, М. Фуко и др.) задает основные онтологические контуры властного влияния (через характер отношений собственности, формы организации труда, рыночных отношений, традиций, законов, общественной морали и т.д.). Известный рациональный прагматизм западного мировоззрения проявляет себя как в стремлении интерпретировать власть прежде всего с точки зрения интересов субъектов экономического и политического рыска (М. Вебер, Х. Арендт, Р. Даль, М. Фуко, Б. Рассел, Д.Ж. Гэлбрейт, Дж. Кетлин, Ч. Мерриам, Т. Парсонс, Г. Лассуэлл, А. Кашпан, А. Доунс и др.), так и, порой, в чрезмерной психологизации сферы политико-властных отношений (М. Вебер, Дж. Френч, Б. Рейвен, Х. Хекхаузен, К. Юнг, Э. Фромм и др.).

К необходимости четкого определения определенных концептуальных составляющих *онтологического статуса* политической власти, выводящего саму эту проблему на уровень относительно *самостоятельной* науки о власти (со своим предмет и методом) ближе всего подошли в своих работах А.С. Панарин, В.В. Ильин, А.В. Гайда, Н.М. Кейзеров, В.Н. Амелин, В.Ф. Халипов, К.С. Гаджиев, В. Трымкин, А.И. Демидов и др. В этом случае власть рассматривается чаще всего с точки зрения *всеобщих* оснований ее социального бытия, т.е. *сущности*, или как система основополагающих *сущностных отношений* власти в самом широком (всеобщем) диапазоне их проявления. Такой подход предполагает, на наш взгляд, рассмотрение феномена власти на гораздо более широком пространстве ее жизненной сферы, ибо ее реальное бытие, соприкасается и испытывает непосредственное влияние со стороны не только политических и правовых отношений, но и прежде всего производства, отношений собственности, культурных традиций, господствующей морали и верований, общественной идеологии и психологии.

Таким образом, основная концептуальная нить должна связать в единое целое ряд актуальных проблем, касающихся сущности и природы политической власти, ее материальных, психологических и духовных оснований, свойств и форм, способов и принципов политического господства, влияния и управления применительно к реалиям современного общества, рыночной экономике и новым правилам цивилизованного демократического государства.

Следовательно, основным условием построения онтологической концепции власти является концептуализация многофакторности политического бытия власти в контексте современной социальной динамики, которая может быть представлена: 1) логическим рядом *фундаментальных*, оснований власти, обозначающих ее *онтологический статус* в реальном деятельностном бытии; 2) причинно-следственными взаимосвязями между ними на уровне *материальной, психологической и духовной* ее природы; 3) спецификой функциональных проявлений и свойств природы политической власти, объясняющих ее возможные *утилитарно-прагматические* модели (рыночная, технократическая, социокультурная) и *ассоциативные* образы, возникающие в массовом сознании.

Значение исследований, идущих в этом перспективном направлении, предполагает теоретическое *обоснование* необходимости онтологической концепции власти как базовой для воссоздания полного облика современной *науки о власти*, включающей в себя соответствующие методики ее исследования.

Проблема идентификации власти и методологические предпосылки ее исследования

С каких *теоретических* позиций следует подходить к изучению политико-властных явлений в современных демократических реалиях и что может служить *методологической* основой онтологической концепции современной власти?

С точки зрения современных тенденций представляется недостаточным толкование власти только в духе веберовской традиции («способность заставить подчиниться»), или стремление свести властные отношения близким по содержанию видам отношений (господство, влияние, управление, контроль), либо выразить эти отношения через нечто родственное и восполняющее их односторонность (сила, воля, авторитет). При этом, теоретико-методологический анализ должен исключить крайности как чрезмерной психологизации феномена власти, когда за скобки сущности власти выносятся объективная социальная реальность (власть как «особая организация силы», «система социальных сил», например, экономических, правовых, политических, административных, военных), и все богатство властного бытия редуцируется исключительно к способностям властвующего субъекта (воля, авторитет, имидж), а с другой — чрезмерной «онтологизации», когда происходит своеобразная апологизация власти как некоей ценностно-нейтральной, в своей сущности неизменной, универсальной охранительно-управляющей и контролирующей силы любой социальной организации.

Поэтому представляется правомерным и необходимым идентифицировать власть как многогранный, целостный, универсальный социокультурный феномен, который является продуктом (а не только «целью», «средством») человеческой деятельности, впитавшим в себя ее смысложизненное содержание в том виде, в котором оно выражается в традициях, ценностях и нормах материальной, духовной, правовой, политической культуры общества, а потому в них обретающим свое прочное основание. В этой связи исходным определением власти может служить ее определение как «авторитета общественных установлений», которое становится базовым для последующего анализа *онтологического* статуса политической власти и одним из *конструирующих* элементов методологии анализа базовых характеристик и функциональных свойств ее *материальной, психологической и духовной природы*.

Наряду с этим, в целях более адекватного, отвечающего современным реалиям научного анализа, представляется важным использование принципов системного метода на базе сближения трех исследовательских парадигм: *рыночной, технократической, социокультурной*. В свою очередь, это позволяет говорить о трех гипотетических исследовательских моделях феномена современной власти: *рыночной, технократической, социокультурной* с соответствующими классификационными признаками и свойствами политико-властных отношений.

Рыночная модель власти подразумевает в первую очередь адекватность политико-властной деятельности изменяющимся обстоятельствам, рассматривает взаимодействие субъекта и объекта власти с точки зрения ожиданий, предпочтений, интересов самих субъектов политического процесса («политического рынка»), ведущих поиск конкурентоспособных и «рентабельных» политических решений, технологий политической конкуренции, и потому так или иначе

ориентированных на извлечение для себя определенного «политического капитала». *Технократическая модель* власти показывает целеориентированность политико-властной деятельности прежде всего на создание эффективных средств властного влияния, взаимодействия субъекта и объекта власти, что обычно проявляется в совершенствовании системы организации, управления и контроля политическими процессами. *Социокультурная модель* власти призвана отразить зависимость политико-властных отношений в системе «субъект — объект» власти от определяющего влияния многообразных социокультурных факторов, в результате чего формируется соответствующая политическая ориентация на преимущественное использование особенно значимых, авторитетных и влиятельных общественных институтов (например, права, морали, религии), их ценностей, норм, традиций и т.д.

Все эти исследовательские модели в конкретной социально-политической практике может дополнять или компенсировать друг друга. Так, *рыночная модель* власти предполагает, что власть сама должна давать участникам политического процесса («политического рынка») преимущественное право на политические решения, и создавать для этого соответствующие экономические условия. *Технократическая модель* власти — предоставляет самой власти решать основные проблемы общества и государства в силу ее большей информированности и компетентности и наличия соответствующих технологий. *Социокультурная модель* власти указывает социокультурные (правовые, религиозные, моральные и иные) пределы принимаемых политических решений со стороны власти, поскольку она основывается на доверии и поддержке граждан, уважает традиции, нормы и ценности, принятые в данном обществе. В конечном итоге, данная *теоретико-методологическая триада* и составляет основное содержание современной онтологической концепции власти.

Три измерения власти

Понять характер и динамику изменений власти можно только в единстве трех основных измерений: материальном, психологическом и духовном, которые являются наиболее важными составляющими ее природы [4; 5; с. 7-65; иной подход см. : 6].

Материальное измерение показывает *степень зависимости власти от экономических отношений*, прежде всего от распределения и перераспределения собственности и богатства, от конкретных исторических особенностей сложившейся формы организации труда, и, в конечном счете, от уровня материального благосостояния государства и его граждан. Исходя из этого формируется представление о материальной природе власти, т.е. совокупности тех объективных экономических, вещно-энергетических, технологических, антропологических и пр. предпосылок и условий, под определяющим воздействием которых сущностные отношения власти такие, как господство, подчинение, влияние, контроль и управление, обретают свое внешне видимое «социальное тело» и организацию.

Материальная природа политической власти, как и любого социального явления, предполагает наличие соответствующих оснований, создающих ее «корневую систему». В современных рыночных социальных системах — это, в первую очередь, отношения собственности, формы и принципы организации тру-

да, социально-ориентированный рынок. Именно эти факторы, чаще всего, легитимируют не только существующий в обществе политический и правовой порядок, но и самым непосредственным образом укрепляют сложившиеся отношения власти и создаваемый ею политический режим.

Так, например, уже в попытках разрешения проблемы «собственность — власть» при переходе России к новым формам экономического и социально-политического порядка, отчетливо проявляются *две тенденции*, каждая из которых дает свою «установку на власть»: *первая* — собственность является основой утверждения *власти* над человеком, поскольку обладание вещами и средствами, необходимыми для жизни, превращает ее обладателя в весьма авторитетное и влиятельное лицо независимо от того, наделено ли это лицо атрибутами какой-нибудь власти; *вторая* — обладание собственностью (особенно в значительных размерах) предоставляет возможность ее владельцу быть во многих отношениях *свободным* от власти, поскольку в собственности, особенно частной, свобода человека обладает и для него самого, и для других не только наличным бытием, но и ограждающей, освобождающей от чуждых влияний силой. Однако в обоих случаях собственность выступает экономической основой политической власти, поскольку именно в отношении человека к материальным условиям своего бытия как к *своим собственным* или, напротив, как к *чуждым*, враждебным ему, самым непосредственным образом выражается существенное отношение экономической жизни, равно как и «зерно» *соответствующей ей политической системы* [7, с. 381, 409-418].

В политической сфере в качестве субъекта общественной власти личность получает *право внешнего господства* над людьми, право управлять ими или контролировать их поведение и деятельность. И если здесь нет собственности в правовом ее понимании, т.е., по существу, все атрибуты внешнего принуждения, сила и энергия тех средств, к которым прибегает всякая политическая власть.

Наряду с этим, вторая тенденция выводится, как показывает история философской и политической мысли, из представлений о природе прав и *правового* определения понятия «личность». Именно в собственности *личность как субъект права* обретает средство своей действительной свободы, свободы деятельности и той творческой инициативы, которая является основным фактором общественного прогресса и демократических преобразований [8, с. 277; 9, с. 190; 10, с. 127, 129; 11, с. 356; 12, с. 113, 115].

Означает ли вышесказанное, что именно собственность формирует систему политических отношений, формы и принципы политического правлений и политического устройства? Здесь можно подвергнуть сомнению весьма распространенное мнение, что всякая форма собственности создает для себя адекватную модель политического управления. Однако, как показывает развитие историко-правовой и политической мысли, не менее обоснован и другой тезис, а именно: от того как организован труд (производство) в обществе, зависит *кто* и *как* реально владеет и распоряжается собственностью и *каким* образом будут распределены результаты данного труда. Отсюда следует, что наряду с собственностью именно *организация труда* выступает той *непосредственной экономической основой политической власти*, под воздействием которой она принимает *внешние материальные и организационно-политические формы* наиболее адекватные сложившейся в данном обществе системе общественной организации производства.

Вместе с тем возникает и еще один вопрос: какова роль института рынка в формировании системы политико-властных отношений современного общества? [См. дискуссию: 13, с. 41; 14, с. 4; 15, с. 56.]

На наш взгляд, значение рынка в условиях правовой демократии приобретает глубокий жизненный смысл, ибо максимизируя экономическую свободу граждан, он создает реальную возможность для «развития *человеческого достоинства и превосходства*» (Дж. Ст. Милль), которое может быть измерено степенью предоставленной человеку свободы творческого самовыражения, самостоятельности и ответственности.

Роль рынка по отношению к системе власти находит выражение в ряде выводов. Во-первых, он диктует власти ориентацию на жизненно важные, первостепенные потребности, нужды и интересы граждан. Во-вторых, рынок *нейтрализует элемент господства* и принудительного подчинения не только в сфере экономических, но и политических отношений. Усиливает аспект *влияния и взаимной зависимости* в системе социальных отношений, а потому *активизирует механизмы побудительной мотивации*. В-третьих, закладывает и развивает принципы договорных отношений и договорных обязательств сторон. Наконец, в-четвертых, формирует *новое мировоззрение, новый стиль мышления*, несовместимым с догмами и какой-либо ортодоксией.

Кроме того сегодня немаловажно признать, что именно через механизмы рыночных законов конкретные свойства власти и ее социальные функции проходят своеобразный «контроль качества», получают общественное признание и оказываются так или иначе востребованными людьми. «Рыночные» свойства власти как раз и показывают ее реальную способность быть полезным, необходимым и конкурентоспособным субъектом социальной политики и самым лучшим образом обнаруживают тот характер самой власти, который складывается под определяющим воздействием именно рыночной экономики.

Помимо материального, другим не менее важным параметром оценки реального состояния социального бытия власти является ее психологическое измерение. Психологическое измерение властных отношений показывает, как велика *зависимость власти от социально-психологических детерминант* — традиций, привычек, колебаний общественного настроения, личных качеств людей, идущих во власть и, наконец, какова степень политической социализации самой власти, ее адаптированность в том социокультурном пространстве, в котором она проявляет силу своего властного влияния, проводит свои решения, считаясь с сложившимися национальными культурно-историческими традициями, обычаями, нормами и ценностями данного общества. Поэтому *онтологические основания* на уровне психологической природы властного воздействия ассоциируются и отождествляются, прежде всего, с разумной «осмысленностью», *адекватностью, адаптивностью* взаимодействия субъекта власти и объекта влияния.

Следует отметить, что изучение психологической природы политической власти приобретает особую актуальность по мере формирования демократических отношений в обществе в связи с необходимостью поиска *новых механизмов властного влияния на массовое сознание*. Как известно, политическое влияние проявляется непосредственно и прежде всего на психологическом уровне. Положительное общественное признание власти, выраженное *понятием легитимности*, всегда оказывается прочно связанным или вызывает соответ-

свующие чувства и настроения граждан, когда не страх наказания и не сила, а заинтересованность, симпатия, уважение или даже любовь к своим политикам нередко становятся для власти главным основанием ее права на (у) правление. Во всяком случае, такие формы общественного признания, как одобрение, приверженность, преданность, поддержка, лояльность и т. п. выражают, с качественной стороны, определенный *характер психологической совместимости власти и масс*, а с количественной — *степень доверия к власти и рейтинг ее популярности*.

По мере роста общей и политической культуры граждане перестают быть пассивным объектом властного воздействия. В этих условиях любое психологическое давление в скрытых или явных формах обычно воспринимается как посягательство на внутреннюю свободу человеческого Я, на его право самоопределения и человеческое достоинство. Поэтому проблема политического влияния на психологическом уровне обнаруживается в способности власти к более тесной и гармоничной *идентификации* себя, т.е. властвующего меньшинства, с управляемым большинством. Нагляднее всего эта проблема проявляет себя в процессе подготовки и осуществления избирательных кампаний. Причем как на уровне технологий задабривания населения или разнообразных способов — «произвести впечатление и вызвать доверие», так и путем тщательного изучения «потребительского» спроса, т.е. повседневных нужд и ожиданий людей, посредством которых и формируется «рынок» властных предложений (политических целей и программ, задач и решений). Здесь *психологическая идентичность* власти и масс конкретно проявляется именно в сходстве и «родстве» их потребностей и интересов, настроений и ориентаций, а также в уважительном отношении власти к культуре, обычаям и традициям граждан, составляющим ее социальную опору.

Итак, психологический аспект исследования властного влияния актуализирует не только *способность* власти подчинять, но и *готовность* ей подчиняться со стороны объекта влияния. «*Властвовать, значит как бы налагать свою волю на других, однако с тем, чтобы это наложение добровольно принималось теми, кто подчиняется*»[16, с. 197].

Наконец, онтологическая статус политической власти проявляется и на уровне ее *духовной* природы и обнаруживает себя в качестве сущности политической воли как «заботы», охватывающей все сферы и аспекты человеческого бытия. Такая власть становится «созидающей воля», причем она не исключает и не подавляет другие виды человеческого воления — волю к жизни, хозяйственную волю, нравственную волю, не стремится вытеснить из повседневной жизни «дух народа», а пытается соединить их в некотором гармоническом единстве. Только такая онтологически полноценная политическая воля порождает органическую государственность [17, с. 101-102].

Ассоциативные образы власти

Необходимость введения понятия «ассоциативные образы власти» обусловлено тем, что субъективные представления людей об общественном предназначении власти, о соответствии властных решений их собственным ожиданиям, особенно в смутные периоды социальной и политической нестабильности, становятся куда более важными, чем какие бы то ни было ее внешние объектив-

ные атрибуты и отношения. Многое здесь определяется самой психологией восприятия власти, формирующей в массовом сознании тот или иной ее образ и моделирующей определенное отношение к ней.

Виденье власти «сквозь призму выработанных культурным опытом целеориентаций, ценностей, норм, актуализированных и эмоционально окрашенных ожиданий, образов и установок» (А.П. Назаретян), является, немаловажным субъективным фактором ее реального бытия. В этой связи онтологический статус политической власти не может быть определен только в абстрактных понятиях «объективности», объективной данности, внешних обстоятельств и предметных форм. Здесь требуется, как верно отмечает М.С. Каган, онтология «между», т.е. «межсубъектная», «субъектно-релятивная» онтология, которая связывает реальность объективного бытия с творческой активностью личности [18, с. 43].

Поэтому в качестве критерия классификации ассоциативных образов власти следует брать те конкретные проявления и свойства ее материальной, психологической и духовной природы, которые, будучи соотнесенными с системой ценностных предпочтений и ожиданий людей, обретают значение определенных смысложизненных представлений массового сознания о социальном предназначении власти в той или иной диспозиции граждан по отношению к ней.

Попробуем конкретизировать [см. иной подход: 19, с. 87-97; 20, с. 23-34; 21, с. 9-13; 22].

«Полезная власть». Данный образ ассоциирован в массовом сознании прежде всего с некоторыми материальными и прагматическими свойствами власти, а потому прочно связан с вопросом о полезности и выгоды власти как социального института. Поэтому прежде всего - это власть социально-ориентированных, общественно-значимых, эффективных решений, адекватная насущным потребностям, интересам и ценностным предпочтениям человека в той или иной его социальной диспозиции (как, например, потребителя, обывателя, «производителя», гражданина). Она исключает унижение человека вознаграждением за преданность, но поднимает его до того уровня, когда положение личности в обществе становится показателем ее собственной полезности.

«Механическая власть». Это власть, в которой материальные атрибуты ее механизма (технологии принятия политико-властных решений, практическое применение норм права, процедуры проведения их в жизнь, наличные средства и способы эффективного контроля и управления и т.д.) приобретают в силу обстоятельств некую степень самостоятельности или гипертрофированно самодовлеющее значение. С этой своей стороны власть чаще всего предстает перед человеком как «власть-менеджер».

«Легитимная власть». В современном обществе легитимная власть детерминирована потребностью в личностной самореализации индивидов в сфере политических отношений и поэтому непосредственно связана с понятием политической свободы. В силу чего образ легитимной власти создается, как правило, в атмосфере веры и убежденности граждан, что субъекты власти принимают решения и отдают приказания, соответствующие должному уважению человеческого достоинства и в соответствии с демократическими представлениями о должной степени политической свободы и прав личности.

«Авторитетная власть». Авторитет власти проявляется прежде всего в плоскости ее конкретного политического, правового и нравственного поведения, т.е. та-

кой деятельности, в рамках которой больше всего обнаруживает себя состояние ее «духа» — ее смысложизненные ориентации, ценностные установки и мотивы, причем лишь в той мере, в какой они *совместимы* или *принимаются* обществом, соответствуют ценностям, представлениям и ориентациям его граждан. В этом случае, объект может дать власти следующее определение: «Я похож на субъект власти, и я буду вести себя и думать так же, как он проявляет себя и думает».

«Отчужденная власть». В этом образе власть противостоит человеку как грубая и чуждая ему сила, прибегающая к тоталитарно-репрессивным методам, «поглощению» личности, «овеществлению» ее жизненных проявлений всякий раз, когда чувствует угрозу собственному существованию. Поэтому чаще всего она выступает в значении власти-*антиценности*, создающей ситуацию разрыва интересов личности и собственных интересов власти. Это взаимное отчуждение хотя и не умаляет значение ценности механизмов власти, но человек занимает позицию несотрудничества, отказа взаимодействия с ней, ибо ассоциирует ее с грубой или бесполезной силой, не способной к эффективному управлению.

Рассмотренные нами ассоциативные образы власти позволяют сделать вывод о том, что в целом предлагаемый подход: 1) раскрывает новые возможности *теоретического моделирования* особенностей психологического восприятия власти в массовом сознании, складывающегося в зависимости от изменений в ментальных установках объекта влияния; 2) показывает динамику массового сознания, когда под влиянием ценностной мотивации можно судить об изменениях в *уровне восприятия и оценки власти*: например, когда *нижний* ее уровень («полезная», «механическая») трансформируется в более *высокий* («авторитетная», «легитимная»), где власть оценивается не только как, некое *односторонне-позитивно-значимое* отношение¹, но и *взаимно-значимое* отношение объекта власти и субъекта влияния; 3) по тому, какой образ власти в массовом сознании является преобладающим, можно судить о прочности ее позиций, и с определенной степенью предсказывать ее перспективы.

Подведем итог.

1. В условиях перехода к новой социальной реальности, детерминированной законами рыночного хозяйствования, представление о характере и поведении власти в границах ее политического пространства тесно связано со спецификой общественной организации и условиями так называемой «рыночной демократии». По этой причине конструирование онтологической концепции власти основано, с одной стороны, на либеральной интерпретации политики как взаимодействия множества организованных интересов и групп, создающих на практике самые различные ситуации для власти, а с другой, на понимании того, что и сама власть стремится воссоздать общество, адекватное собственной природе.

¹ Т.е. «полезная власть» — *положительно значима лишь по отношению к объекту влияния*, а «механическая власть» — *положительно значима только по отношению к субъекту власти*, тогда как «авторитарная власть» и «легитимная власть» *положительны не односторонне, они — результат одного и того же положительного, оценивания реального состояния властных отношений, как со стороны объекта влияния, так и со стороны субъекта власти*. Обстоятельное обоснование этого потребовало бы гораздо большего пространства, чем это возможно в данной статье.

2. Мы исходили из того, что власть не просто пассивно «отражает интересы», она творит новые отношения и конструирует социальный мир, независимо от того, переживает общество период кризиса или период подъема [23, с. 203]. В поисках позитивной идентификации феномена политической власти, ее «бытийственный статус» не постулируется, а выводится из различных форм человеческой практики и социокультурного опыта. Поэтому в предложенной онтологической конструкции политической власти акцент сделан преимущественно на тех фундаментальных основах властного бытия, которые, по мнению автора, приводят политическую власть в согласие со своим социальным миром, обуславливая ее относительную стабильность в рамках данной социальной реальности.

Литература

1. Власть: Очерки современной политической философии Запада / Под ред. В.В. Мшвениерадзе. М., 1989.
2. Ачкасов В.А., Елисеев С.М., Ланцов С.А. Легитимация власти в постсоветском российском обществе. Разд. 1, гл. 1. М., 1996.
3. Технология власти: (Философско-политический анализ) . М., 1995.
4. Хомелева Р.А. Природа политической власти. СПб., 1996.
5. Почепков В.В., Хомелева Р.А. Очерки о власти: Новые подходы и интерпретации. СПб., 1998.
6. Демидов А.И. Ценностное измерение власти // Политические исследования. 1996. № 3.
7. Аристотель. Политика // Соч.: В 4-х т. Т. 4. М., 1983.
8. См.: Сен-Симон А. Избранные сочинения: В 2-х т. Т. 2. М.; Л., 1948.
9. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
10. Ильин И.А. О частной собственности: Русская философия собственности (XVIII-XX) . СПб., 1993.
11. Алексеев Н.Н. Собственность и социализм // Русская философия собственности (XVII-XX вв.) . СПб., 1993.
12. Чернин Б.Н. Собственность и государство // Русская философия собственности (XVII-XX вв.) . СПб., 1993.
13. Кашников Б.Н. Демократия как возможная судьба России // Общественные науки и современность. М., 1996.
14. Филъкин Ю. Социально-либеральная альтернатива: Власть, рынок, гражданское общество. Ч. 1. М., 1997.
15. Заславская Т. Проблема демократической переориентации экономики современной России // Общество и экономика. 1997. № 1-2.
16. Ильин И.А. Соч.: В 2-х т. Т. 1: Философия права. М., 1993.
17. Водолагин А.В. Онтологический базис политической воли // Философские перспективы человечества: Ученые РАН XIX Всемирному философскому конгрессу (22-29 августа 1993) . М., 1993.
18. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб., 1997.
19. Шестопаев Е.Б. Образ власти в России: Желания и реальность: Политико-психологический анализ // Политические исследования. 1995. № 5.
20. Захаров А.В. Народные образы власти // Политические исследования. 1998. № 1.
21. Малькова И.О. Власть в зеркале мнений электората // Социологические исследования. 1998. № 3.
22. Мамут Л. Какой гражданин нужен России? // Власть. 1998. № 4.
23. Здравомыслов А.Г. Проблема власти в современной социологии // Проблемы теоретической социологии / Под ред. А.О. Боронова. СПб., 1994.